

А. В. СВИРИДОВ,
*кандидат политических наук, доцент, проректор по идеологической
и воспитательной работе, Белорусский государственный университет
физической культуры, Минск, Беларусь
E-mail: swiridov_artem@mail.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Выполнен анализ истоков и социокультурных оснований современных форм представительной демократии. Выявляются и описываются цивилизационные, исторические и культурные предпосылки сложившихся политических систем разных стран. Анализируются причины, по которым аналогичные политические институты выполняют совершенно разные функции.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, цивилизация, политическая модель, представительство, выборы, избиратели

A. SVIRIDOV
*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Ideological and Educational Work,
Belarusian State University of Physical Culture, Minsk, Belarus
E-mail: swiridov_artem@mail.ru*

SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF REPRESENTATIVE DEMOCRACY

An analysis of the origins and socio-cultural foundations of modern forms of representative democracy has been carried out. The civilizational, historical and cultural prerequisites of the established political systems of different countries are identified and described. The reasons why similar political institutions perform completely different functions are analyzed.

Keywords: democracy, civil society, civilization, political model, representation, elections, voters

Многообразие и сложность форм политической жизни современных государств определяются огромным спектром факторов и условий. К таковым, наряду с подходами, трактующими политику как концентрированное выражение экономики, относятся и менее, на первый взгляд, очевидные, но не менее значимые при этом причины и предпосылки.

Главным недостатком экономикоцентризма представляется чрезвычайно однобокое видение общества и государства. Концентрация внимания исключительно на материальных интересах в жизни социума не позволяет в полной мере выявить суть общественно-политического строя.

Исторический путь, цивилизационная принадлежность, культурный опыт влияют на особенности политического бытия народа не в меньшей степени,

нежели господствующий способ производства или уровень производительных сил.

Указанные «нематериальные» факторы обуславливают становление двух диаметрально противоположных типов государства и власти. С одной стороны, в традиционном обществе – имеющее жесткое иерархическое строение государство, которое обосновывает свою власть посредством идеологии или религии и функционирует по вертикали, элементы которой располагаются от высшего к низшему. Именно так выстраивалась властная вертикаль в Советском Союзе. С другой стороны – берущее на себя минимум обязанностей либеральное государство современного общества (общества модерна), которое получает свою легитимность «снизу» – посредством голосов граждан.

Эти два типа государства соответственно обладают совершенно разными ритуалами и символами отправления власти. Традиционное общество воспроизводит так называемое патерналистское государство, в котором отношения власти и подданных строятся по образу отношений отца и детей. Ясно, что представления о свободе, взаимных правах и обязанностях здесь принципиально иные, нежели в государстве западного общества, роль которого сведена к функции полицейского (государство – «ночной сторож»).

Формы политического устройства являют собой результат воздействия совокупности социокультурных предпосылок и потому ни в коей мере не могут выступать в качестве культурно нейтральных. Те или иные политические институты, которые зародились и сформировались в одном социуме (регионе), могут быть совершенно неприемлемыми для другого; не выполнять присущие им функции и не решать поставленных задач.

Соответственно, обозначенные культурно-цивилизационные зависимости не позволяют говорить о возможности существования идеальной, подходящей для всех стран и народов мира политической формы, в том числе об отдельных ее элементах, которые благополучно функционировали бы вне ареала своего возникновения. Этим объясняется отсутствие положительных результатов всех множественных попыток изменить мировое политическое пространство в целом и отдельных государств в частности по заранее написанным сюжетам западной либеральной демократии.

Исходя из сказанного особый интерес вызывает сопоставление представительской модели демократии и ее советского аналога.

Прежде всего заметим, что представительная парадигма политики западного образца оставляет за скобками так называемые высшие ценности, выдвигая на передний план исключительно интересы и выгоды конкретного человека. Политический процесс рассматривается сквозь призму расчета заложенных ресурсов и достигнутого результата. «Прагматики, ориентированные на интерес, значительно легче договариваются между собой, менее запальчивы и нетерпимы, чем романтические приверженцы принципов, которыми нельзя поступиться» [1, с. 167].

Политические цели и задачи в данном случае ценностно нейтральны. В них можно вкладывать любое содержание и любые нарративы. Мы сталкиваемся с ценностно всеядным человеком, для которого главным являются материальные интересы, а высших ценностей как будто бы нет. Это и делает возможным существование так называемого открытого общества. Открытого для всех тех, кто не обременен незыблемыми идеалами и твердыми убеждениями и готов верить и руководствоваться тому и тем, кому и чем выгодно верить и руководствоваться здесь и сейчас.

Для нынешнего либерализма эти установки гарантируют демократический плюрализм и, что главное, оставляют пространство и резерв для людей разного этнического и конфессионального происхождения.

В западном политическом дискурсе отчетливо дает о себе знать религиозно-морализаторское отношение к политике. В ней видится столкновение сил Добра и Зла. «В пронизанной манихейскими предчувствиями атмосфере политическая терпимость едва ли является возможной, а политический плюрализм воспринимается как циничная всеядность – преступное равнодушие к итогам схватки сил Добра и Зла» [2, с. 160].

Не находится места в западной плюралистической демократии объективной истине. Акцент делается на калейдоскопе отдельных мнений и позиций. В этом смысле каждая точка зрения, каждая мнимость всегда будут демократичнее истины, потому что мнений много и они могут бесконечно конкурировать друг с другом, конъюнктурно меняться, тогда как истина всегда неуступчива, будучи нелиберальной по своей природе. Другими словами, западная политическая модель представительства основывается на исключении идеалов и ценностей из спектра принимающихся во внимание ключевых факторов формирования общественно-политического пространства.

Выделяется еще один немаловажный аспект представительной демократии. Она не предполагает наличия в обществе единого, всеми разделяемого высшего интереса. Общее в такой парадигме представляет собой совокупность индивидуальных позиций и стремлений.

По-другому и быть не может. Гражданское общество не предполагает наличия одного актора, который будет претендовать на монопольное выражение интересов всего общества. В силу несовпадения групповых интересов отсутствуют какие-либо основания говорить об общем интересе, который рассматривается как пережиток тоталитарного (авторитарного) порядка. «Внутренне единство общества отрицается принципиально, как утрата свободы, как тоталитаризм» [3, с. 44].

Это и является одним из приводных ремней и предпосылкой всей устойчивости модели представительной демократии, в которой выборы представляют собой рынок политических идей и программ, где партии их «продают», получая плату в виде голосов избирателей. В свободной конкуренции групповых интересов победа остается за сильнейшим.

В политических моделях незападного образца выборы выступают в качестве плебисцита, организованного, по сути, для решения одной задачи – граждане страны должны явиться и одобрить единую линию государства. Именно в этом заключалась важность явки на выборы в Советском Союзе. Суть была не в кандидатах и их программах, а в том, что участием в голосовании гражданин говорил «да» выбранному политическому курсу.

При этом имеется сущностное отличие природы феномена голосования в разных представительных системах. На Западе в основе голосования по тому или иному вопросу лежит явление конкуренции и борьбы. В ней всегда один победитель – самый сильный и успешный. Нередко победа одерживается с минимальным перевесом – вплоть до одного голоса. В выборных органах СССР голосование представляло собой процедуру согласования, поиск общего, устраивающего всех решения. Здесь во главе угла лежит обеспечение единогласия. Другими словами, главная задача депутатов Советов разного уровня заключалась в необходимости сообща выработать и поддержать направление действия (стратегию).

Еще одним концептуальным элементом либеральной представительной демократии является то, что в ней электоральное большинство рассматривается как сумма избирателей-индивидов, противостоящих один одному и являющихся объектами манипуляций.

Само выражение «борьба за голоса избирателей» теряет всякий смысл в том случае, если люди начинают голосовать в соответствии исключительно со своими социально-экономическими интересами и приверженностью своей социальной группе. В таком случае результат выборов всегда был бы известен заранее исходя из удельного веса соответствующих классов в обществе. В такой ситуации партии буржуазно-либерального меньшинства всегда оказывались бы в проигрыше.

Именно поэтому для буржуазной демократии идеальным избирателем выступает индивид, не идентифицирующий себя с тем или иным классом и голосующий за представителей разных партий. Только тогда, когда индивиды начинают вести себя как свободные электроны, из них можно формировать текучий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим.

И совершенно иное дело, когда речь идет о таком субъекте истории, как народ, наделенный своей коллективной волей. Последняя может быть известна заранее и несводима к воле составляющих индивидов, живущих под знаком своих мелких частных интересов.

«Народ» превращается тем самым в оппонента современной представительной демократии. «Оказалось, что он обладает почти всеми грехами: коллективной идентичностью, исключаящей последовательный индивидуализм и плюрализм (свободные перемещения индивидов вдоль социально-политического

спектра); коллективной верой (или верованиями), мало совместимой с плюралистической всеядностью демократии; коллективной исторической памятью, создающей основы внепрагматических выборов и предпочтений» [1, с. 161].

Отсюда становится очевидной принципиальная несовместимость народа и плюралистической демократии, народа и гражданского общества, народа и прав человека. Тотально несовпадающими становятся либеральное понятие гражданского общества и нелиберальное понятие народа. В первом случае речь идет о личном выборе, во втором – о коллективной судьбе.

Последовательно либеральная точка зрения состоит в том, чтобы на место народа как субстанциональной общности, являющейся исторической и моральной «данностью» для всякого, к нему принадлежащего, поставить понятие интересубъективности – общности, поминутно рождаемой в ходе взаимодействия автономных индивидов.

Также ключевое значение для успешного функционирования представительной демократии имеет понимание человека как атома, как свободного индивидуума, не связанного общинными или коллективистскими узами. Такое восприятие человека возникает на Западе в результате Реформации, Просвещения и буржуазных революций на протяжении XVI–XVIII вв. Человек становится атомом человечества – свободным, неделимым, находящимся в непрерывном движении и соударениях. По этому поводу российский мыслитель С. Кара-Мурза замечает: «Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы» [3, с. 90].

Само формирование гражданского общества в западном его прочтении требовало разрушения всяческих общинных, солидарных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы. Это полное, принципиальное отрицание соборной личности, формирующейся вне ареала западной представительной политической культуры.

Религиозный философ Н. Бердяев писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией... У нас все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, “соборной”, хотя и по-разному понимаемой» [4, с. 87].

Соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и отвечает за них. Такой человек всегда включен в солидарные группы. Именно здесь, в незападном политическом пространстве, мы видим совершенно иное прочтение

феномена гражданского общества. Это среда, «воодушевленная глубоко содержательными социальными вопросами, касающимися реальных прав трудящихся на предприятии, прав жителей региона, прав потребителей, имеет своей основой понятие народа. Именно народ сохраняет в своем мышлении тягу к реальной гражданской сфере в ее социальном значении, тогда как “профессиональные либералы” интересуются только правами “крикливого меньшинства”, живущего “политико-идеологической надстройкой”» [1, с. 173].

Иными словами, ставя цель скопировать западную либерально-представительную модель демократии и распространить ее на другие регионы мира, не стоит забывать о ее глубинных социокультурных предпосылках. Игнорирование последних чревато вечным движением по кругу, что, впрочем, не ново для человеческой истории.

Список использованных источников

1. *Панарин, А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2004. – 636 с. – (Горячая линия. Философия).
2. *Панарин, А. С.* Политология : учеб. пособие / А. С. Панарин. – М. : Проспект, 1997. – 408 с.
3. *Кара-Мурза, С. Г.* Истмат и проблема Восток–Запад / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2001. – 256 с.
4. *Бердяев, Н.* Самопознание / Н. Бердяев. – М. : Азбука-Классика, 2010. – 416 с.

Поступила 14.05.2025 г.